https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-2.13

Хаидов Ибрагим Мусаипович

СЛУЖБА ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПОЛКАХ ТЕРСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ПЕРИОД КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются мотивация и последствия службы горцев Северо-Восточного Кавказа в полках Терского казачьего войска в период Кавказской войны. В работе также разбираются взаимоотношения горцев, служивших в казачьих полках, с их соплеменниками и казаками-славянами. Автором проанализирована религиозная идентичность казаков-инородцев. Само существование горцев-казаков свидетельствует о сложности и неоднозначности участия представителей народов Северного Кавказа и терского казачества в Кавказской войне и несостоятельности их однозначного противопоставления. Казаки горского происхождения сыграли значимую роль в интеграции народов Северного Кавказа в политическую и социально-экономическую структуру Российской империи. Статья рассчитана на специалистов в области кавказоведения и истории казачества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2018/2/13.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 2(88) С. 55-58. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2018/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 93/94 Дата поступления рукописи: 25.01.2018
https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-2.13

В статье рассматриваются мотивация и последствия службы горцев Северо-Восточного Кавказа в полках Терского казачьего войска в период Кавказской войны. В работе также разбираются взаимоотношения горцев, служивших в казачьих полках, с их соплеменниками и казаками-славянами. Автором проанализирована религиозная идентичность казаков-инородцев. Само существование горцев-казаков свидетельствует о сложности и неоднозначности участия представителей народов Северного Кавказа и терского казачества в Кавказской войне и несостоятельности их однозначного противопоставления. Казаки горского происхождения сыграли значимую роль в интеграции народов Северного Кавказа в политическую и социально-экономическую структуру Российской империи. Статья рассчитана на специалистов в области кавказоведения и истории казачества.

Ключевые слова и фразы: терские казаки; горцы; Кавказская война; старшины; «казачья братия»; казаки-инородцы; осетины; чеченцы; пленники.

Хаидов Ибрагим Мусаипович
Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный
96khaidovim@mail.ru

СЛУЖБА ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПОЛКАХ ТЕРСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ПЕРИОД КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

История Кавказской войны до сих пор остается одной из актуальных и дискуссионных проблем отечественной истории. К сожалению, данная тема стала предметом различного рода спекуляций, не имеющих прямого отношения к исторической действительности. Очевидна цель рассматривать историю Кавказской войны как составной эпизод противостояния Востока и Запада («конфликта цивилизаций»), приписывая ей сугубо религиозную окраску. В связи с этим, крайне тенденциозно трактуется и история горско-казачьих отношений. Вопреки законам историзма проводятся произвольные сравнения с событиями в Чечне в конце XX века. Поэтому чрезвычайно важно объективное исследование архивных материалов и свидетельств современников о Кавказской войне.

В последние годы вышло немало работ, посвященных бегству казаков в горы и их службе имаму Шамилю. Тем не менее в период Кавказской войны протекал не только процесс инфильтрации казаков в ряды боровшихся с царизмом горцев, но и противоположный и не менее сложный процесс проникновения в среду терского казачества горского элемента. Оказачивание горцев в первые годы Кавказской войны активно поощряла военная администрация. Особенно привлекательной для нее казалась идея включения в ряды терских казаков осетин, преимущественно исповедовавших православие. Данный аспект проблемы горско-казачьих взаимоотношений, на наш взгляд, еще не имел должного освещения, что и обусловило выбор его в качестве предмета рассмотрения в данной статье.

Горцы вступали в ряды казаков по самым различным мотивам: вследствие принадлежности к оказачившимся осетинским общинам, из-за стремления сделать военную карьеру, ввиду воспитания в казачьей среде или элементарного желания приобрести земельный надел на равнине [26, д. 340, л. 10]. В свою очередь, царское правительство также имело целый спектр причин для наделения казачьим статусом не только переселенцев из центральных и малороссийских губерний, но и из числа так называемых «мирных горцев», хорошо знавших всю многообразную специфику региона.

Уже в первые месяцы после вступления в должность командира Отдельного Кавказского корпуса в 1816 г. А. П. Ермолов в письме генерал-майору И. П. Дельпоццо озвучил следующие рекомендации: «Прошу не упустить из виду, приготовить осетин самым осторожным образом к тому, чтобы со временем составить из них некоторое ополчение, первоначально для внутренней стражи, дабы испытать их способности, а потом для охранения кордона» [Цит. по: 20, с. 97].

В 1823 г. в Горский полк было зачислено 583 человека из «моздокской казачьей братии» осетинского и кабардинского происхождения. В январе 1827 г. Ермолов приказал зачислить всех так называемых «казачьих братьев» из осетин количеством 110 человек в казаки и передать их командиру Горской казачьей команды капитану Дыдымову [Там же, с. 92].

Казенная же палата, спеша исполнить приказ командующего Кавказскими войсками, передала в военное ведомство не только «казачьих братьев», но и всех осетин, живущих в Моздоке. По списку коменданта Моздока Цыклаурова, в 1825 г. их численность – 88 семейств, в том числе 233 души обоего пола. Однако эти осетины выступили против обращения их в казачье сословие и в прошении на имя тифлисского губернатора просили «избавить их от казачьей службы, к которой они, ни предки их не привыкли» [Цит. по: 3, с. 58]. Но, несмотря на просьбу 15 июля 1829 г., генерал Паскевич потребовал от начальника Кавказской области генерала Эммануэля объяснения, почему «вместо предназначенных к поступлению в казачье сословие из Моздокских осетин и черкес, заключающихся в числе 771 души, поступило только новокрещенных черкес... от чего это произошло и кто виноват, что 661 душа азиатцев до сего времени не принята в военное ведомство» [Цит. по: Там же].

Приписанные к казакам осетины в период Кавказской войны массово проявляли качества верности присяге, мужества и самопожертвования. Казаки станицы Черноярской в составе Горского полка участвовали в многочисленных походах и сражениях во время Кавказской войны: в Турецкой кампании 1829 г. с генералом И. Ф. Паскевичем, в 1832 г. с князем Ф. А. Бековичем против чеченцев, в 1838 г. с генералом О. В. Крюковым в Дагестане, в 1839 г. с генерал-адъютантом П. Х. Граббе при штурме Ахульго, в 1840 г. с генерал-майором И. М. Лабинцевым в походе против чеченцев и т.д.

Непрерывные войны выдвинули из станицы Черноярской целый ряд видных казачьих офицеров: прежде всего, это полковник Моисей Хоруев, подполковник Николай Гокинаев, полковник Егор Гокинаев, генерал-майор Казьма Занкисов, войсковой старшина Захар Валаев, Иван Мистулов, есаул Бек-Мурза Мистулов, войсковой старшина Гуржибеков, есаул Влас Габеев [2; 17].

3 марта 1843 г., отражая нападение отряда одного из наибов имама Шамиля, в районе Моздока погибла осетинская казачья сотня. В 1903 г. в память об этом событии был сооружен памятник, на котором были запечатлены имена погибших героев – Степан Гажеев, Махамат Агоев, Гаса Гульдиев, Заурбек Гогинаев, Гаппо Тускаев, Иналук Гацунаев, Сабан Тугуров, Масарби Сеоев, Дохчико Кокиев, Кубади Байтуганов и др. [14, с. 51]. Выживший в том бою сотник Николай Гокинаев стал первым среди осетин георгиевским кавалером 4-й степени [21, с. 41].

Вторым георгиевским кавалером явился осетин-куртатинец Петр (Тасо) Гайтов. Он 13 лет служил приставом Ингушевского и Карабулакского народов и за свою верность и исполнительность при отражении вторжения отрядов Шамиля в Ингушетию, Осетию и Кабарду награжден орденами Святого Владимира 4-й степени с бантом, Святой Анны 3-й степени с бантом и серебряной медалью в петлице на Владимирской ленте. Позднее, участвуя в Крымской войне, Петр Гайтов был поощрен чином подполковника и орденом Святого Георгия [23, с. 320].

Среди моздокских кабардинцев можно также выделить сотника Моздокского казачьего полка Губжокова, представленного за бой у реки Рошни в Чечне к ордену Святой Анны 3-й степени с бантом [28, д. 949, л. 1-2].

Были казачьи офицеры и среди чеченцев. Так, например, Кирчача Ганжуев поступил на службу в 1805 г., 43 года прослужил в Горском казачьем полку (дослужившись до звания войскового старшины) и умер в 1848 г. от ран. За длительную и верную службу он был награжден орденами св. Владимира (4 ст.), св. Анны (3 ст.), серебряной медалью «За верность службе» и др. Кирчача Ганжуев был включен в состав депутации горцев, которые встречали в 1837 г. во Владикавказе Николая I, и получил в награду от императора 500 руб. и бриллиантовый перстень [6, с. 491].

Другой чеченец, прапорщик кавалерии при Горском казачьем полку Бота Шамурзаев 2 июля 1845 г. произведен в поручики [13]. 20 сентября 1846 г. служившему при Горско-Моздокском полке другому чеченцу-корнету Сулейману Чуликову было присвоено звание капитана [12].

Биография Бота Шамурзаева довольно показательна для своего времени. Он был уроженцем сожженного А. П. Ермоловым селения Дади-Юрт, воспитывался в семье барона Розена. Поначалу он участвовал в Кавказской войне на стороне царизма, затем перешел на сторону Шамиля, занимал при нем должность наиба. В 1851 г. вновь переметнулся на сторону русских и оказал им неоценимые услуги в покорении Чечни [11, с. 242].

Кумык Алибек Пензулаев, дослужившийся до звания генерал-лейтенанта, начинал службу в Гребенском линейном казачьем полку [9, с. 68]. Другие его соплеменники Татархан Бамматханов и Батыр-Мурза Довлетукаев служили в Горско-Моздокском полку. В последнем служил и хорунжий Еким Макарович Барагунов из крещеных кабардинцев [1, с. 46, 62].

Многие знатные горцы, в том числе и горцы-казаки, пользовались доверием и допускались до службы в кавказском эскадроне императорского конвоя. Служили они и в конвое кавказских наместников [22, с. 109-110].

По данным этнографа В. М. Викторина, отдельные группы чеченцев записывались в казаки даже в период Кавказской войны [8, с. 17], то есть в условиях для этого крайне неблагоприятных. Несмотря на военные действия, поддерживали родственные связи с принявшими православие родственниками из станицы Червленной отдельные семьи гуноевцев-мусульман [16, с. 78]. Еще в 1823 г. на службу в Терский казачий полк было принято 35 окоченских татар [21, с. 51].

И. Л. Омельченко утверждал, что «после издания “Положения о Кавказском линейном казачьем войске” 1845 г. доступ в казачье сословие практически был закрыт. В войсковое сословие принимались только такие лица, которые могли принести “пользу” станичным обществам. Для них устанавливалась целая система бюрократических перегородок…» [19, с. 239]. Такое утверждение представляется нам слишком категоричным, учитывая, что в это время еще шли военные действия, численность мужчин призывного возраста росла крайне медленно, а потребность в них на линии была высока. Напротив, по действующему с 1845 г. положению Николая I «О кавказском линейном казачьем войске» в казачьи полки принимали «ближайших азиатцев, не называя их до времени казаками» [5, с. 51].

Были примеры и полного включения горцев-мусульман в казачьи ряды. Интересные сведения об этом содержит дело казака 1-го Сунженского полка карабулака Тепси Шахмурзиева, проживавшего в станице Слепцовской. Еще в 1855 г. он подал прошение о желании отчислиться из казачьего сословия. Однако полковник Болгучианский отказался подписать прошение и приказал наказать его розгами. Спустя 8 лет, уже после окончания войны, Шахмурзиев вторично подал свое прошение. Узнав о его прошении, сбор стариков станицы Слепцовской заявил, что не видит никаких препятствий и прибавил: «…кроме этого просим у высшего начальства выселить всех азият живущих в станице Слепцовской, именно поручика Довлетуко Хасиева с семьей, Маия Бабхиева, Долока Титиева, Турю Урусханова и других, как вредных в общем житии, потому что пропажи скота и лошадей

из станицы из большей часто подозревают этих азият, так как уже были этому примеры». Дело Тепси Шахмурзиева дошло до наместника Кавказа Михаила Александровича, который отклонил его прошение и приговор стариков станицы Слепцовской, посчитав это «опасным примером» для мусульман [26, д. 345, л. 8, 10, 20]. До издания новых правил о прикомандировании офицеров из азиатцев к казачьим полкам от 30 мая 1850 г. не было определено число офицеров, которое должно было быть приписано к казачьим полкам. В итоге в некоторых полках их было в избытке, а в некоторых – не было вовсе [29, д. 1, л. 11].

Потому можно считать справедливыми слова из путевого дневника князя Мещерского, изданного в 1876 г.: «Кавказ был завоеван как оружием русских… так и оружием туземцев Кавказа. На протяжении шестидесятилетней войны на Кавказе мы видим, что в этих войнах всюду и везде отличались тамошние туземцы. Они дали целую плеяду героев, достойных высших чинов и знаков отличия» [Цит. по: 18, с. 126].

Кизлярско-Гребенский полк имел в своих рядах свыше 7% казаков-мусульман [10, с. 215]. В частности, в состав этого войска входила отдельная мусульманская Кизлярская станица, в которой имелись мечеть и имам при ней. Более того, у казаков-мусульман существовала возможность отправлять свои культы не только в своих отдельных станицах, но и в станицах, где преобладало православное население (например, казанские татары в Новогладковской также имели собственное молитвенное помещение). Казаки-мусульмане проживали и в станице Луковской Моздокского полка. При общей численности казачьего населения Луковской в 2588 человек община кабардинцев-мусульман насчитывала 60. Эти факты дополнительно свидетельствуют о сохранявшейся даже в период Кавказской войны взаимной толерантности мусульман и христиан на казачьей линии [7, с. 98-99].

Помимо добровольного вступления в ряды казачества горцы проникали в их среду и иными путями. Одним из них был плен. По сведениям учительницы Е. Бутовой, к донским старожилам в Бороздинскую станицу были разновременно подселены: в 1819 г., выведенные генералом от инфантерии А. П. Ермоловым из глубины Кавказских гор беглые солдаты из числа казанских татар, а в 1837 г. – плененные генерал-майором К. К. Фезе тавлинцы, то есть аварцы [4, с. 90]. В 1839 г. из пленных женщин, взятых при штурме Старого и Нового Ахульго, в Кизлярский полк были «назначены» 100 чел., в Гребенской – 150 чел., в Моздокский – 250 чел. Часть из них, приняв православие, стали женами казаков, другие работали «в услужении» [7, с. 90]. Всех этих вольных и невольных казаков их славянские собратья именовали казаками-инородцами.

Горцы, служившие в казачьих войсках, естественно вызывали особое раздражение среди сторонников имамов Гази-Магомеда, Гамзат-бека и Шамиля, почитались ими за предателей. Вместе с тем сами казаки горского происхождения не забывали о своих корнях, свидетельство чему – примеры заступничества с их стороны в отношении плененных соплеменников. Например, в 1831 г. рядовой казак Хамза Байрамкулов и урядник Девлет-Мурза Оразаев взяли на поруки попавших в плен к царским войскам жен и детей, примкнувших к Гази-Магомеду жителей с. Чонтаул Кумыкского владения [24, д. 455, л. 28, 30].

Определенные трудности возникали у казаков в случае вступления в брак вне пределов узкого сообщества казаков-мусульман. Например, известен случай, когда дочь казака-мусульманина не могла соединиться с мужем, проживавшим в селении Аксай, так как, согласно положению о военной повинности казаков и членов их семей, не могла покинуть станицы без разрешения начальника Левого крыла Кавказской линии [Там же, д. 660, л. 21].

Отдельные горцы, служившие в казачьих полках, не выдерживали обязательств и испытаний, налагаемых на них их новым статусом, подозрительностью коренных казаков, неприязнью единоверцев и самим состоянием пограничной идентичности, и бежали в неподконтрольные российской военной администрации горы, на сторону противника [25, д. 58, л. 16 – 16 об.; 15, с. 34]. Тем не менее сама исключительная редкость сведений о таких переходах свидетельствует о добросовестной службе абсолютного большинства казаков горского происхождения.

Некоторые из горцев, вступивших в казачье сословие, принимали православие и со временем полностью растворялись в новой для себя среде. Часто мотивом для перемены веры служило желание вступления в брак с девушками православного исповедания [27, д. 35, л. 3].

Сложно поставить знак равенства между горцами-казаками, служившими в царской армии, и казаками, перешедшими на сторону имама Шамиля. Естественно, у каждого участника конфликта возникала дилемма, на чью сторону встать, и каждый решал ее исходя исключительно из собственных обстоятельств и мотивов. Вместе с тем при всех их индивидуальных причинах судьба каждого из них являлась частным воплощением общей для них ментальности пограничья.

При переходе из одной среды в другую люди переносили свой социокультурный багаж, способствуя сближению и взаимообогащению противостоявших, но вместе с тем и обреченных всегда находиться в соседстве и общении народов. Одновременно казаки-перебежчики в горах и горцы, служившие в казачьих полках, символизировали вопреки текущему военному конфликту возможность восстановления и развития прежних дружеских отношений. Значительную роль они сыграли и в проникновении в горскую среду новых знаний, сельскохозяйственных навыков и в популяризации русского языка и культуры.

Список источников

1. **Алиев К. М.** Кумыки в военной истории России (вторая половина XVI – начало XX в.): краткий исторический справочник. Махачкала: Дельта-Пресс, 2010. 359 с.
2. **Брацун Е. В.** Личность генерал-майора Козьмы (Гуймана) Ивановича Занкисова (1823-1885 гг.) // Генеалогия народов Кавказа. Владикавказ, 2016. Вып. 8. С. 218-233.

3. **Бурда Э. В.** Терское казачество в системе Российского управления со второй половины XVIII – до конца XIX века: дисс. … к.и.н. Нальчик, 2006. 208 с.
4. **Бутова Е.** Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярского Округа // Сборник материалов о местностях и племенах Кавказа. 1889. Вып. 7. С. 3-156.
5. **Варивода Н. В.** Объединение северокавказского казачества в единое линейное войско // Кавказская война: уроки истории и современность: материалы всероссийской научно-практической конференции. Майкоп, 2006. С. 49-53.
6. **Великая Н. Н.** Военные династии в Чечне (конец XVIII – начало XX века) [Электронный ресурс] // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2015. Т. 13. С. 491-495. URL: https://e-koncept.ru/2015/85099.htm (дата обращения: 19.03.2018).
7. **Великая Н. Н.** Причины нахождения россиян в среде горцев Северо-Восточного Кавказа (первая половина XIX века) // Кавказский сборник. М.: Издательский дом «Русская панорама», 2015. Т. 9 (41) / под ред. В. В. Дегоева. С. 90-101.
8. **Викторин В. М.** Этнолингвоконфессиональный полиморфизм в казачьих сообществах на евразийских границах юга России: тюрко-монгольские и иные служилые группы (XVII – нач. XX в.) // Сарепта: историко-этнографический вестник. Волгоград, 2012. Вып. 5. С. 13-33.
9. **Гогитидзе М.** Военная элита Кавказа: генералы и адмиралы из Грузии. Тбилиси: Лота; Институт физики АН Грузии, 2007. 353 с.
10. **Заседателева Л. Б.** Терские казаки (середина XVI – начало XX в.): историко-этнографические очерки. М.: Изд-во Московского ун-та, 1974. 421 с.
11. **История Чечни**: в 4-х т. Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс “Грозненский рабочий”», 2013. Т. 3. 656 с.
12. **Кавказ.** 1846. 12 июня. № 41.
13. **Кавказ.** 1846. 23 февраля. № 8.
14. **Калоев Б. А.** Моздокские осетины: историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1995. 245 с.
15. **Клычников Ю. Ю.** Казачество и военно-политические реалии пограничья в условиях Северного Кавказа // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. 2015. № 17 (56). С. 29-39.
16. **Ланда Р. Г.** Ислам в истории России. М.: Воетлит; РАН, 1995. 312 с.
17. **Лолаева А. В.** Участие осетин-казаков в конвое Его Императорского Величества // Вестник Поморского государственного университета. 2007. № 9. С. 171-177.
18. **Лурье С. В.** Российская империя как этнокультурный феномен // Цивилизации и культуры. М., 1994. Вып. 1. С. 116-131.
19. **Омельченко И. Л.** Терское казачество. Владикавказ: Ир, 1991. 299 с.
20. **Савченко Д. И.** Терское казачество в истории присоединения Северного Кавказа к России (XVI – середина XIX в.): дисс. … к.и.н. Пятигорск, 2003. 166 с.
21. **Сосиев З.** Станица Черноярская // Терский сборник. Владикавказ, 1908. Вып. 5. С. 30-76.
22. **Ходарковский М.** Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
23. **Хрестоматия по истории осетинского народа: с древнейших времён до 1877 г.** / сост. М. П. Санакоев. Цхинвал: Иристон, 1993. 416 с.
24. **Центральный государственный архив Республики Дагестан** (ЦГА РД). Ф. 379. Оп. 4.
25. **ЦГА РД.** Ф. 379. Оп. 7.
26. **Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания** (ЦГА РСО-А). Ф. 13. Оп. 1.
27. **ЦГА РСО-А.** Ф. 16. Оп. 1.
28. **ЦГА РСО-А.** Ф. 53. Оп. 51.
29. **ЦГА РСО-А.** Ф. 54. Оп. 6.

SERVICE OF THE NORTH CAUCASIAN MOUNTAINEERS IN THE TEREK COSSACK REGIMENTS IN THE PERIOD OF THE CAUCASIAN WAR

Khaidov Ibragim Musaipovich
Chechen State Pedagogical University, Grozny
96khaidovim@mail.ru

The article examines the motives and consequences of the North Caucasian mountaineers’ service in the Terek Cossack regiments in the period of the Caucasian war. The paper analyzes relations of the Caucasians, who served in the Cossack regiments, with their compatriots and with the Cossacks-Slavs. Special attention is paid to the problem of religious identity of the non-Russian Cossacks. The very existence of the Cossacks-Caucasians indicates the complexity and ambiguity of the problem of the North Caucasian peoples’ and the Terek Cossacks’ participation in the Caucasian war and leads to the conclusion that they shouldn’t be considered as implacable opponents. The Cossacks of Caucasian origin played a considerable role in the integration of the North Caucasian peoples into the political and socio-economic structure of the Russian Empire. The paper is aimed for specialists in the field of Caucasian studies and the Cossacks’ history.

Key words and phrases: the Terek Cossacks; mountaineers; the Caucasian war; foremen; Cossack community; the non-Russian Cossacks; the Ossetians; the Chechens; captives.